

ПРИГЛАШАЕМ К ДИАЛОГУ

М. Едличко-Малик

ГАРРИ ПОТТЕР И ВОПРОС АНТИГОНЫ:

ГЕРОЙ И МИР ЕГО ЦЕННОСТЕЙ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ УЧИТЕЛЮ И ВОСПИТАТЕЛЮ

Констатация некоторых фактов неизбежна и, пожалуй, необходима. Цикл из четырех романов Джоан К. Роулинг о Гарри Поттере стал несомненным читательским хитом последних лет. Количество проданных экземпляров исчисляется сотнями тысяч, а читателей — миллионами. Эти факты, доходящие до трюизма, однако, существенны, так как представляют собой определенное явление, вызывающее радость. Итак, после многолетних сетований на падение читательской активности, на то, что книга переживает пору заката, после многих лет беспокойства о том, что дети и молодежь выбирают более легкие, по сравнению с чтением, способы времяпрепровождения, пользуясь интернетом, играя в компьютерные игры или просто уставившись в телевизор, книги о Гарри Поттере доказали, что все-таки ничто не сможет заменить книгу и что именно она наилучшее средство, стимулирующее воображение. Джоан К. Роулинг удается ответить на вопрос автора одной довоенной брошюры под названием: «Как приохотить нашу молодежь к чтению?» Нужно просто-напросто написать такую книгу, которая бы соответствовала читательским запросам молодежи.

Этот факт должен прежде всего дать нам понять одно: насколько несовершенен и скуден тот канон школьного чтения, который мы предлагаем вниманию детей, живущих в XXI веке. Большая часть текстов, которые традиционно мы предлагаем нашим ученикам, для них совершенно неприемлема, потому что они искусственны, написаны непонятным ныне языком, созданы в мире, с которым у наших детей уже мало общего, от которого они хотят освободиться¹. К сожалению, приключения харцеров (польских пионеров — прим. перев.), мероприятия и акции самообразования сегодня не являются привлека-

тельным предложением читателю. Еще во время так называемого «социалистического реализма» содержание хотя бы «Сизифовых трудов» (повесть С. Жеромского, посвященная школьной жизни в период оккупации) могло пробуждать накал страстей по аналогии с тогдашней политической (и геополитической) ситуацией, тогда как сейчас они всего лишь свидетельство давно минувших событий, музейный экспонат.

Потребность в герое нового времени и литературной форме, соответствующей ожиданиям современного читателя, указывает именно на такие романы, как цикл Дж. К. Роулинг. Преувеличением является утверждение познаньского исследователя литературы современного периода, Пшемислава Чаплинского, что Гарри Поттер — это «Арлекин» для детей². Книги о Поттере прежде всего написаны с гораздо большим мастерством. Они не используют заезженных романских «ходов» (или каких бы то ни было еще). Однако не секрет, что в них используются давно известные композиционные и фабульные схемы, а также морфологические структуры, топика и мотивы, присутствовавшие в значительной степени еще в античной литературе.

Именно такая литературная форма романов Роулинг может оказаться союзником учителя. Можно ведь представить ученикам роман как некую высокоорганизованную структуру, черпающую средства из разных источников, оперирующую различными кодами в процессе коммуникации между отправителем и адресатом. Можно указать на возможности психологической интерпретации, заостряя внимание на реализации античного мотива «жизнь есть сон» (присутствующего и в литературе других эпох) или на неких компенсирующих функциях — магия является даром, который мальчик получает как бы в ответ на страдания, причиненные ему Дерслеями. Уже в структурной плоскости книга говорит о некоей справедливости. Можно также рассуждать о проблемах жанра, как делают это авторы книги «Гарри Поттер и наши дети», трактуя романы Роулинг в рамках композиционных схем сказки, вестерна, эпоса и других. И все же этот вопрос кажется лишенным принципиальности и в принципе неразрешимым. Ибо современ-

---

¹ Публицисты «Воскресенья» обвинили цикл книг о Гарри Поттере в языковом убожестве и недостатке возможностей обучению вербализации эмоций и самовыражению. Трудно с этим согласиться, как и с упреком в недостаточной сложности языка диалогов и повествования. Вспомним, что адресат-ребенок должен получить язык произведения, приспособленный к его перцептивным возможностям — так построены уже ставшие классикой жанра книги Нижурского, Ненацкого или Ожуговской (См. *Agnieszka Gąsiorek. Harry Potter raz jeszcze...* “Niedziela”. 2002. Nr. 17; a także *Ewa Polak-Patkiewicz. Czary Harry’ego Pottera*. “Niedziela”. 2001. Nr. 42).

Марта Едличко-Малик — учитель-словесник Католической Начальной школы им. Св. Ядвиги, г. Люблин (Польша).

---

² *Przemysław Czaplinski. Harlequin dla dzieci?* “Gazeta Wyborcza”. 2001. Nr. 68.

ная литература не оперирует уже, особенно в области прозы, чистыми жанрами, подчиняющимися нормативной поэтике (похоже, в этом убеждены и авторы вышеуказанной работы³). Постмодернистский роман, а таковым мы можем считать цикл о Гарри Поттере, все сильнее тяготеет к конструкциям синкретичным, фрагментарным и постоянно черпает из разных источников не только фабулярных, но и структурных. Книги о Гарри Поттере ближе всего к двум из них, а именно — к волшебной сказке (о чем неоднократно упоминалось) и к роману взросления (становления, развития) — о чем, к сожалению, забыто. Эти два генетических кода могут значительно помочь в изучении аксиологической значимости этого романного цикла, поэтому мы к ним еще будем возвращаться.

Многих читателей, а особенно сторонников ортодоксальных религий (независимо от вероисповедания) сильнее всего беспокоит присутствующее в книгах Роулинг колдовство. Естественно, сразу же следует отбросить теории тайных заговоров, сектантства, которые усматривали в этих романах сатанистские или оккультистские инспирации. (Хотя к последним следует относиться осторожнее.) Колдовство как структурообразующий элемент — морфологическая особенность волшебной сказки. Мы можем со всей ответственностью утверждать, что книги о Гарри Поттере во всей полноте соответствуют особенностям, которые Владимир Пропп описал в «Морфологии сказки». Посему, заводя разговор о колдовстве и магии в отдельных томах цикла Роулинг, не следует забывать о наблюдениях Проппа. Особенно важно это сделать при описании функций протагонистов, их мотивации, а также анализируя атрибуты героев и их значение. Представляется принципиальным со всех сторон трактование романного цикла о Поттере именно в категориях волшебной сказки и следование указаниям Проппа, постулировавшего обнаружение точных близкородственных морфологических связей таких сказок. По мнению русского ученого, «ни одной фабулы этого типа сказок нельзя исследовать изолированно от других ни с точки зрения морфологической, ни с точки зрения генетической»⁴. Это хорошо объясняет проблемы магии в романах Роулинг — они являются неотъемлемым элементом изображенного мира и фабульного развития волшебной сказки. Однако

существенным видится и беспокойство, связанное с увлечением оккультизмом, которое может пробудить чтение этих книг. Есть опасность, что дети и юношество по примеру симпатичного и вызывающего уважение героя сами начнут искать тайного могущества в других книгах. А отсюда всего лишь один шаг до эзотерической литературы под знаком New Age, практики чернокнижия и т.д. Почему? Потому что, пожалуй, ни в одной другой волшебной сказке магические чары не были настолько суггестивными и не имели такой силы. Да и количественно их не было так много. Не было еще образа такого общества, в котором магии и чернокнижию можно бы было попросту научиться. Повести о школе существуют как достаточно репрезентативная группа (именно такой повестью является упоминавшаяся уже здесь книга Жеромского «Сизифовы труды»). Но никогда предмет обучения в изображаемых школах не был настолько захватывающим. Это очевидная опасность, которой тем не менее хорошо подготовленный учитель может противостоять, поместив волшебный мир под призму жанровых стереотипов и однозначно трактуя функциональность этого элемента.

Педагогов беспокоит также и тот факт, что книга одобряет бунт Гарри против его опекунов. Филистерский мир Дерслея почти дословно списан с викторианской повести, прообразом которой можно считать романы Диккенса. Никто не задается вопросом, отчего Гарри изображен именно так. Используется ли здесь комплекс изобразительно-выразительных средств, необходимых для описания «сиротской доли» (откуда его проживание в закутке под лестницей, то есть самом заброшенном уголке дома)? Имеют ли те издевательства, которые терпит Гарри, какую бы то ни было связь с его личными чертами характера, или же они всего лишь следствие ненависти, которая кипит в Дерслеях? А может, здесь показаны две модели воспитания — «мугольская» (то есть филистерская) и «чародейская» (соответственно, артистическая). Гарри Поттер — четкое отражение так сильно показанного еще романтической литературой конфликта (то же самое в версиях неоромантической и модернистской), конфликта «Я» против мира. Только обнаружение «альтернативного мира» (мира Хогвартса) дает герою возможность найти свое собственное место и обрести утраченное достоинство. Сам бунт уже не так опасен после бунта Холдена Колфилда, героя «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, здесь он уже является атрибутом идеологического и мировоззренческого созревания молодого человека. Можно заметить, что эти бунты развиваются как бы в двух разных направлениях: Колфилд в начале романа покидает школу, тогда как Поттер туда попадает.

³ Среди пр.: «Гарри Поттер» оставляет слишком много недоговоренностей, невзвешенных взглядов, неоднозначного отношения ко злу, чтобы ответить на основной вопрос о ценности в жизни каждого человека и определить свою жанровую принадлежность. Остается поэтому странный жанровый гибрид, так популярный в современной массовой культуре [...]. (Piotr Jordan Śliwiński OFMCap, Adam Regiewicz: Op. cit. S. 23).

⁴ Вл. Пропп «Морфология сказки». Тlum. W. Wojtyga-Zagórska. Warszawa, 1976. S. 203.

Вопрос Антигоны — это вопрос о границах, до каких можно пойти в борьбе против морального права. Что можно совершать, чтобы результатом деяний было высшее благо? Пожалуй, это основная проблема романного цикла о Гарри Поттере. Эти книги требуют основательного аксиологического прочтения, выходящего за рамки стереотипных (и часто публицистических) толкований. По сути, самый тревожный, будоражащий уровень этих текстов лежит в плоскости ценностной. Не говоря о конкретных этических системах, сквозь призму которых можно бы было прочесть эти романы, останемся в определенном (в самых общих чертах) аксиологическом поле.

С педагогической точки зрения беспокоит недостаточное различие добра и зла. Книга не предлагает однозначных решений. И коль скоро может их не хватать в генологической сфере, или генетическом источнике мотивов, то уже аксиологическая сфера требует определенной однозначности. Создается впечатление, что мы имеем дело с дидактическим произведением, с романом об освобождении из-под гнета ограничений, от пут условностей (подобные освободительские тенденции можно было наблюдать в романах о художнике рубежа XIX–XX веков). О дидактизме романа свидетельствует и место действия (школа), и социальный статус героев (ученики, учителя). И все же книга не разъясняет нам до конца, что есть добро, а что зло. А это в свою очередь провоцирует смятение, приводящее молодого читателя к ложным выводам, будто творя зло, можно творить добро⁵.

В том и заключается «вопрос Антигоны» — можем ли мы из высших побуждений творить зло? Это вопрос о том, может ли плохое дерево приносить хорошие плоды? Гарри Поттер часто руководствуется высшими устремлениями — дружбой, желанием самоусовершенствования — но в борьбе со злом (олицетворяемым в романах Вольдемортом) главным двигателем его поступков является память об убитых злым чернокнижником родителях. И здесь нам предстоит решить проблему, желает ли Гарри бороться со злом во имя памяти родителей или же им движет жажда мести. Мы становимся лицом к лицу с вопросом о намерениях, об интенции. И так же, как и цели Антигоны, цели Гарри Поттера не подлежат оценке. Оценке подлежат только его поступки.

А его поступки часто отрицательны. Гарри не удерживается от воровства (воровство ингредиентов для приготовления эликсира — «Гарри Поттер и тайная комната»), от подлога (подделка подписи Локхарта для того, чтобы взять в библиотеке запрещенную книгу — «Гарри Поттер и узник Азкабана»), от лжи (ложь перед профессором Дамбльдором — «Гарри Поттер и тайная комната»), то есть от тех действий, которые в каталоге моральных норм рассматриваются как однозначно отрицательные. Такой подход с определенным неодобрением воспринимается читателями. В сочинении ученика 6 класса на тему моральных ценностей в «Гарри Поттере» мы читаем:

Гарри Поттер заглядывает в конверт Фильха и читает письмо. Интересно, что по этому поводу он никогда не испытывает угрызений совести. (...) На Рождество он не покупает друзьям подарков, а сам получает их множество. (...) Он дружит с Гермионой, потому что без нее не справился бы с выполнением многих домашних заданий.⁶

Для этого ребенка герой несомненно творит зло. Другой читатель (тоже ученик 6 класса) пытается оправдать Гарри:

Гарри Поттер — человек, поэтому он не идеален. (...) Я хотел бы брать с него пример, особенно в преданности и стремлении к добру. Но мне не нравится, что, стремясь к добру, он оступался и делал зло. Но разве никто из нас никогда не делал того, чем бы в последствии не гордился?⁷

Совершает ли Гарри Поттер зло во имя добра? Этот вопрос приводит нас к миру морального релятивизма. К миру, где не существует только добро и только зло, но меньшее и большее зло, меньшее и большее добро. В двухмерной системе ценностей такое понимание вещей невозможно. Согласно такой, двухмерной системе ценностей, в человеке не могут сосуществовать «да» и «нет». Тогда как внутренняя организация героя свидетельствует, что создана новая, релятивистская моральная система, в которой одни поступки менее плохи, чем другие, а мотивация, предполагающая большее добро делает возможным причинение меньшего зла. Это мотивация маккиавеллистическая, в которой узаконено достижение благих целей *per fas et nefas* — благими и скверными средствами по тому принципу, что цель оправдывает средства. Добро и зло в книгах Роулинг являются не рудиментами, окаменевшими и неизменными ценностями, но и добро и зло конкретных деяний зависят от контекста и ситуации. Поэтому нечто, что есть зло в одном случае, в другом может таковым не быть, или быть меньшим злом. Это опасная установка, внушающая, что все зависит исключительно от интерпретации и что любое зло можно оправдать посредством разума либо эмоций. Это заметное влияние постмодернистской

⁵ На такую опасность обращает внимание Я. Врубель в статье «Недостатки и достоинства Гарри Поттера» («Zycie». Nr. 8.10.2001).

⁶ Анкета «Моя оценка морального выбора Гарри Поттера», проведенная среди учеников 5 и 6 классов Католической Начальной школы им. Св. Ядвиги в Люблине.

⁷ Там же.

философии переходит и на конструкцию самого героя.

Как отметил Пшемислав Чаплинский, Гарри Поттер сражается с великим мировым злом, но не может справиться со злом обыденным, каждодневным⁸. Мы привыкли к другой иерархии, по которой сперва нужно убрать бревно из своего глаза, чтобы смочь заняться соринкой в глазу ближнего. Внутреннее упорядочивание иерархии ценностей в своей жизни дает толчок к заботе о благе общества, в котором мы живем.

Однако определение Гарри Поттера как мальчика, с одной стороны, обычного, плохо справляющегося с будничным злом, совершающего такие же грешки, как и его сверстники-читатели, с другой же — как гиперболизированного героя, который с помощью магии и личной смекалки может бороться с мировым злом, является приемом, способствующим привлекательности образа. Предлагается и определенная легкость бытия, с которой внушается, что малые моральные преступления не препятствуют великим поступкам, что то, чем мы занимаемся приватно, не сказывается на нашем публичном имидже. Гарри Поттер — это пример именно такой «двойной» морали. Это не означает жизни по двум моральным системам, а только лишь разделение своей этики на сферы личную и официальную. Это создает значительный педагогический дискомфорт, когда образ сконструирован настолько привлекательно, к тому же демонстрирует много общих со своими читателями черт и привносит в жизнь достаточно доказательств ее амбивалентности. Гарри Поттер борется со злом, часто его побеждает, а порой сам оказывается побежденным. Заставляет задуматься лишь то, что этот опыт едва ли в малой степени отражается на его внутреннем духовном развитии.

Мы находим здесь параллели с классической воспитательной повестью, с романом становления. В поэтику этого жанра вписана перемена, которая происходит в герое эволюционным либо революционным путем. Гарри Поттер будто бы устойчив перед опытом внешнего мира. Под влиянием происходящих приключений мир его ценностей не изменяется, не наступает *metanoia*, а социальная, психологическая и аксиологическая зрелость оказываются будто бы вне влияния факторов внешнего мира. Гарри Поттер не развивается, не совершенствуется в своих слабостях. Однако здесь трудно дать какой-либо ана-

лиз причин и предвидеть результат такого формирования героя. Мы ведь не знаем всего цикла полностью, а, как известно, роман становления можно интерпретировать только тогда, когда известны все элементы этого процесса.

Возникает вопрос, кого и что культивирует Роулинг в своих героях? Используя широко понятую этику постмодернизма, создает антигероя или *everyman'a*? Оба творческих направления небезопасны. Если героем ближайших лет должен быть негероический тип, заурядный, творящий зло во имя высших, но туманных и неопределенных идей, то такое творчество сделает невозможным эффективное воспитание, которое должно дать следующим поколениям людей этичных и ответственных. Если же Гарри Поттер является супергероем, то, видимо, оправдывает и негативные и позитивные черты, заключенные в его образе. Эгоизм и антигероизм — вот те границы, на которые должна опереться аксиологическая интерпретация этого образа.

Вопрос Антигоны — это также и вопрос об иерархии ценностей. Что самое важное в жизни для Гарри Поттера? Этого мы не знаем. Мы не сможем создать каталог добродетелей и принципов, управляющих его жизнью. Есть только «проблески» каких-то фрагментов этики в некоторых его высказываниях. Однако такая конструкция была бы невозможна хотя бы в сравнении с другими героями детской и молодежной литературы. Такой каталог можно создать очень легко, например, для Стася Тарковского, героя «В пустыне и в пуще» Генрика Сенкевича. Свой каталог добродетелей имеет также Анджей Радек, свой бунтарский порядок есть и у Холдена Колфилда. В случае Поттера создание подобного конструкта невозможно. Что за герой без ценностей? Разве можно преподносить кого-то в качестве образца для подражания, кто в жизни руководствуется только лишь ситуационными ценностями? Это прием небезопасный, но возможный для осуществления, при соответствующем руководстве ходом чтения, потому что Гарри Поттер является примером существования негативных ценностей в литературе. Его негативная значимость не проявляется как противопоставление значимости позитивной или как мнимая позитивная значимость, но только как малая степень напряжения положительной значимости и — в большой мере — как недостаток ценностей⁹. Жизнь Гарри часто нейтральна, помечена знаком аксиологического нуля. Гарри Поттер поэтому не является опасным, так как только лишь создается, конструируется, формируется.

⁸ Чаплинский пишет: «В Гарри Поттере великое добро побеждает в превосходном стиле, нечеловеческим усилием одолев волосатого паука, бестию или мрачного подземного князя Вольдеморта, в то время как малое добро — каждодневная смелость, мудрость, порядочность, готовность признания чужой правоты — терпит тут постоянное и мучительное поражение в схватке с нормальностью» (Przemysław Czapliński: Op. cit).

⁹ Больше на тему отрицательных ценностей см.: Andrzej Tyszczyk. O pojęciu wartości negatywnej w literaturze. [W:] Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze / Pod red. S. Sawickiego i A. Tyszczyka. Lublin, 1992.

Вопрос Антигоны, вопрос возможности совершения правонарушений ради благих целей — это вопрос, который мы адресуем книгам Роулинг. Антигона преступила государственные законы, чтобы быть в согласии с собственной совестью. Какова совесть Гарри Поттера? Является ли совестью мир релятивистских ценностей, в которые он вписан? Сможет ли он ответить за последствия своих маленьких, каждодневных поступков? Будет ли роман становления, в схему которого вписана его судьба, романом о становлении в сторону добра или в сторону зла? Каков будет приватный мир зрелого Гарри Поттера?

Вопрос Антигоны делает из маленького волшебника союзника воспитателей и учителей.

Он позволяет показать сложность и неоднозначность жизни. Кроме того, может помочь в обучении ответственному поведению и отношению. А может быть и свидетельством пути. Такие выводы делают авторы исследования: «Даже если Гарри и не является литым, беспорочно действующим героем, то все-таки может быть примером стремления к добру»¹⁰. А именно это и должно быть целью нашего воспитания — стремление к добру. В этом может помочь даже несовершенный маленький волшебник, который еще не дорос до роли сражающейся с мировым злом Антигоны.

*Перевод Е.К. Галигузовой,
преподавателя польского языка УрГПУ*

---

¹⁰ Piotr Jordan Sliwiński OFMCap, Adam Regiewicz: Op. cit. S. 177-178.